СОДЕРЖАНИЕ

СПАСТИ СССР!
5

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ?
221

ДВОЙНАЯ ИГРА
417

НОВЫЙ ПУТЬ
631

СПАСТИ СССР!

Глава 1

Пятница 19 октября 2018 года. Поздний вечер
Щёлково, улица Парковая

— Помогите! По...

Отчаянный девичий крик разнесся по безлюдной улице, взводя нервы. Я сразу узнал хрустальный голосок Леночки Рожковой. Резко оглянулся и увидел тонкую фигурку, окруженную нахохленными парнями, мнущимися в свете уличного фонаря. Словно четыре темных беса хоровод водили вокруг беленького ангелочка.

И я, как истинный мракоборец, кинулся спасать и карать.

Страху не было, хотя я и в десанте не служил, и никаким убойным приемчикам не обучен. Просто умею переходить на сверхскорость, когда надо.

«Спасибо деду за хорошую наследственность!» — мелькает в голове. Старый, в бытность свою сержантом НКВД, в одиночку брал матерых агентов Абвера, а раненых товарищей лечил наложением рук. Видно, я в него пошел.

«Вот ведь уроды!» — я вызверился, увидав, как старшак с перекачанной, бесформенной тушей, хлестнул Лену наотмашь, да так, что ее снесло к фонарному столбу. Там стояли еще трое. Добры молодцы, гогоча, отпасовали девушку обратно, но и она не сплоховала — с налету ткнула в старшака кулачком.

Тот зарычал, схватил Лену за нежную шейку, а «три богатыря» кудахтали от восторга и хлопали себя по ляжкам. Завидев благородного рыцаря, спешившего на выручку к прекрасной даме, они угрожающе шагнули навстречу.

«В едином порыве, — подумалось мельком. — Трое на одного!»

— Стопэ! — крикнул мне «богатырь» с томным лицом потасканного альфонса.

— А ну, дёргай отсюда! — с угрозой набычился его дружок, кудрявый молодчик. Рукава своей толстовки он закатал до локтей, выставляя напоказ мускулистые руки, сине-красно-зеленые от сплошных татушек. — Резче!

С ходу вырубаю кудряша, косившего нечестивым цыганским глазом. «Альфонс» сделал попытку пробить мне в печень с правой, но тут я ускорился и не отделался заурядным блоком, а врезал кулаком, ломая противнику локтевой сустав.

Третий «богатырь» счел себя лишним, и я оказался в шаге от главного отрицательного персонажа.

Лена, потерявшая сознание, беззащитно раскинулась на увядшей траве, а старшак нависал над нею в образе чудовищного творения Франкенштейна — сильно сутулясь, вжав маленькую голову в борцовские плечи, свесив длинные ручищи, бугрящиеся мышцами. На сытеньком лице все еще стыло выражение злобного торжества, но уже пробивалась растерянность и даже обида — урод не понимал, кто ему всё портит. Наконец, он углядел меня — и обрадовался. Зря.

Я не стал его убивать. Для начала заехал носком ботинка в пах — бесформенный здоровяк согнулся, широко разевая рот и пуча глаза. Ухватившись за немытый чуб, я крепко приложил старшака носом об колено, тут же вздернул и добавил локтем в челюсть, доламывая лицо. Качок выстелился на газоне, утробно мыча, и перекатился на грязный асфальт.

Всё, больше мне никто не мешал, и я присел возле недвижной Рожковой — мои пальцы бережно огладили лебединую шею девушки, на которой уже проступали синяки.

«Повреждено дыхательное горло... — отмечаю с мертвящим испугом. — Смещены позвонки...»

Лена не дышала, и пульс не прощупывался.

Я положил ладонь на приятную выпуклость, растягивающую платье слева. Понятия не имею, что за энергию рождает мой организм, какую потаённую силу он передает, но я точно знаю — она стекала сейчас с моих пальцев, обволакивая Ленкино сердце, струилась по центральной нервной, пробуждая мозг девушки от смертного сна. Но успел ли? Вдруг слишком поздно?!

«Очнись, очнись, маленькая! — взмолился я. — Ну, пожалуйста!»

Рожкова вздрогнула, вдохнула сипло, захрипела, открывая глаза, полные страдания.

— Ничего не говори! — поспешно сказал я, унимая бурную радость в душе. — А то будет больно. Потерпи немножко, маленькая...

Трепещущие веки Леночки набухли слезами, соленые капли потекли по щекам, губы вздрагивали, то ли улыбку силясь выдавить, то ли искривиться от боли.

«Всё, позвонки на месте, шейный сегмент без повреждений... — Я осторожно провел по девичьей шее обеими ладонями, восхищаясь чудной гладкостью и бархатистостью. — Мягкие ткани... Мягким тканям мы поможем... Излечим мягкие ткани... — Отрешась от земного, сосредоточился, даже глаза закрыл, чтобы не отвлекаться на внешний мир. — И трахее пособим... Вот так... Порядок...»

— Спас-сибо... — вымолвила Лена.

— Не за что, — облегченно улыбнулся я и подхватил девушку на руки. — Пойдем отсюда.

Рожкова очень ослабла, да и во мне жила немалая усталость. Так всегда бывает, если слишком щедро делишься этой своей энергией.

«Да пребудет с тобой Сила!» — шарахнулась мысль.

Я свернул в тихий переулок, плотно забитый автомобилями — машины стояли впритык, жались полированными боками — и тут меня догнал пронзительный крик:

— Ленка!

Цокот каблучков ускорился — подбегала Наташа Томина, подруга Леночки. Они вместе снимали квартиру напротив моей — и не понятно, как уживались. Две противоположности.

Лена — спокойная и молчаливая, даже холодноватая с виду. А вот Наташа порывиста и непоседлива. И плохое, и хорошее переживает одинаково бурно, но не глубоко. Проходят считанные минуты после горчайших слез, и Наташка уже улыбается, готовая смеяться и радоваться миру.

— Что с ней? — накинулась на меня Томина и взволнованно зачастила: — Она живая? Я из окна смотрю, а тут... Так, в халате, и выбежала! Это Грицай ее? Ленка ему отказала, а он... Она живая? Ты ее спас? Да?

— Да вот, проходил мимо, — прокряхтел я, — дай, думаю, окажу первую медицинскую помощь... Открой дверь.

Наташа бросается к гулкой двери подъезда и распахивает ее настежь, пропуская меня в парадное — сразу потянуло куревом, под ногами захрустела, заклацала отставшая кафельная плитка. Плечом я задел почтовые ящики, и те возмущенно лязгнули. Жаль, что в пятиэтажках не ставят лифтов...

Лена — стройная, высокая... и далеко не пушинка. Лучше б ее подружку тащил, Наташка — миниатюрная шатенка...

Мы поднялись на третий этаж. Томина рывком отворила дверь квартиры и торопливо зацокала в спальню.

— Сюда! Сюда! — послышался ее высокий звонкий голосок.

Я вхожу бочком, проношу свой драгоценный груз и опускаю на кровать. Двуспальное ложе, сработанное из настоящего дерева, проскрипело с тихим взвизгом.

— Да я бы сама... — стеснительно пробормотала Лена.

— Лежи, — наметил я улыбку. Присев с краю, позвал: — Наташ!

— Я здесь! — Томина появилась в дверях с ноутбуком в руках. Странно поглядывая на нас, она поставила бук на старомодный буфет, нажала кнопку.

— Постельный режим, — веско сказал я под нехитрую мелодийку. — Есть пока не надо, но пить можно. Будет больно если, зовите меня. Ладно?

— Ага! — Наташа покладисто тряхнула головой.

— Только не стесняйтесь! Ночью прижмет — будите! Не надо боль терпеть.

— Не буду, — бледно улыбнулась Рожкова.

— Выздоравливай... — проворчал я с долей смущения, лишь сейчас заметив, что все это время держал ладонь на гладком Ленкином бедре и гораздо выше ладной коленки.

«Ну, хоть какая-то плата за лечение! — подумалось мне. — Будет, что вспомнить перед сном...»

Наташа выбежала провожать.

— Спасибо тебе! — выдохнула девушка. — Не знаю, что бы я делала, если бы... Если бы...

Всхлипнув, она бросилась ко мне, прижалась, крепко обнимая за шею и словно пригибая к себе. Наташины губы были сухими и будто припухшими. Я взволновался, но девушка уже отступила, проведя ладошками по моей куртке.

Последнее «спасибо» прошелестело как «пока».

— Спокойной ночи, — мягко улыбнулся я, переступил порог и аккуратно закрыл дверь.

Воскресенье 21 октября 2018 года, день
Москва, Ярославский вокзал

Тепло никак не хотело покидать московские улицы. Осень выжелтила парки и скверы, устлала листвой пожухлую траву, а похолодание все задерживалось. Кое-где деревья облетели до полной графичности — сплошная прорись ветвей, голых и черных, колыхалась над тротуарами, расчерчивая небо хаотичным, но четким узором.

И ни единого облачка, предвещающего мокроту и слякоть! Глубочайшая, пронзительная синь распахивалась над крышами мега-

полиса — «унылая пора» сгустила бледную летнюю лазурь, словно выцветшую на солнце, размалевала ею небосвод, не жадничая, не скупясь на яркость и сочность колера. Пусть хлопотливые носители разума налюбуются вдосталь синевой небес, пока не накрыла их зимняя хмарь, надышатся пусть печальной свежестью, настоянной на прели и тревожном запахе дальних снегов!

Я вздохнул, легко и бездумно. Прищурившись, измерил взглядом шпилястую гостиницу «Ленинградская», да и пошагал к вокзалу — все свои резюме я благополучно раздал по десятку адресов. Можно было возвращаться — с чувством исполненного долга.

Поток таких же, как я, жителей Замкадья подхватил меня, закрутил и донес до самой платформы. Время ожидания не затянулось, вскоре подали электричку, и я занял место согласно купленному билету. Жизнь налаживалась.

Довольно улыбнувшись, поерзал, умащиваясь поудобнее, вздохнул и стал смотреть за окно — на перрон, на озабоченных пассажиров, носившихся с ручной кладью. Отъезжающие и провожающие будто нарочно устроили «показательные выступления» для одного зрителя — меня.

Они то и дело роняли пакеты и сумки, тепло закутанная малышня раз за разом вырывалась у них на свободу, ковыляя прочь и восторженно смеясь. Молоденькие родительницы суетились, бабушки кудахтали встревоженно, собирая своих «птичек», «зайчиков» и прочих херувимчиков.

А я ощутил легкую печаль. Это со мной бывает.

Даже в последние недели, переполненные радостным возбуждением, мои душевные горизонты то и дело туманились, мрея серенькой меланхолией.

Не может человек быть счастливым долгое время. Мгновения счастья скоротечны, они как блики на воде в солнечный день — блеснут, уколют глаз иглистым высверком и тут же меркнут.

Я опять вздохнул, но не длинно и тоскливо, как умею, а успокоенно. Печаль преходяща, а вот недвижимость вечна. Улыбка тронула мои губы. Сегодня у меня ма-аленький праздник. Праздничек.

Ровно месяц назад я приехал на Ярославский вокзал, покинув суровый, неустроенный, экзотичный, опостылевший Дальний Восток, где провел, считай, почти всю свою жизнь. Годы и годы проползли, прошли, пролетели, а оглянешься — и вспомнить нечего. Нет, случались, конечно, приятные моменты, но они тонули в вязкой, тоскливой черноте буден.

Наверное, я бы так и не уехал, если бы не развод. Так бы и длился мучительный союз с любимой женщиной, которой я был не нужен. Никак я не сочетался с Дашиными хотениями и понятиями, вечно я ей что-то доказывал, но так ни в чем и не убедил.

Я проиграл.

Мы оба проиграли. Когда я садился на скорый поезд в Хабаровске, то не облегчение чувствовал долгожданное, не освобождение запоздалое, а опустошенность.

Я покинул единственного родного мне человека...

...На Дальний Восток, на самый край дремотной Азии, я переехал в 1974-м, вместе с родителями, покинув цветущую и теплую, но бедноватую Украину.

В том самом году доктор технических наук, светило микроэлектроники Филипп Георгиевич Старос разругался с партийными органами, бросил все — и уехал во Владивосток, где возглавил отдел в тамошнем Институте автоматики и процессов управления. Старос хорошо знал моего отца, вот и слал письма, уговаривая и зазывая к себе в ИАПУ — скучно ему было без своих «старосят»[1]. Папа долго колебался, не зная, на что решиться, но потом убедил себя, что в Первомайске ему ничего не светит — и подался к Тихому океану.

Помню, тем далеким летом мы встали очень рано, пяти еще не было. Шли пешком в синих, теплых сумерках, чтобы успеть на поезд «Одесса — Москва». Я тащил оттягивавший руку чемодан, смутно различая дорогу, и был преисполнен неясных надежд.

Они не оправдались. Я же не знал тогда, что переезд станет всего лишь отправным пунктом в целой череде утрат и разочарований, имя которой — моя жизнь.

Уезжая, я потерял друзей. И подруг тоже — мне так и не довелось побывать в сказке под названием «Школьная любовь». На новом месте все было чужим, порой враждебным ко мне, незваному пришельцу.

Я вздохнул. Ох, и люблю же я поныть! Никому не пожалуюсь, главное, в себе буду держать всю эту разъедающую душу щелочь, настой исковерканной жизни. И кто же поверит, что я – редкий оптимист? А ведь так и есть! Я всегда, наперекор любой действительности, истово надеялся на лучшее, верил, что всё будет хорошо. А когда позитив запаздывал, выжимал его из того, что было, из негатива — хоть капельку, хоть намек на плюсик...

---

[1] «Старосятами» называли себя сотрудники и ученики Ф. Староса.

— Ваш билет, пожалуйста, — развеяла мысли пожилая и грустная с виду контролерша в выглаженной форменке. Доказав, что не «заяц», я вытянул ноги и нырнул обратно в поток сознания.

...И вот она — сбыча мечт. Всё, что нажил непосильным трудом — всё это я выложил за двушку в Подмосковье. В Щёлково.

Местечко приличное, мне нравится — и в каком-то часе езды от МКАД. Всегда хотел жить поближе к Москве — этот город мне дороже разных парижей и лондонов. В «Лондонграде» я, правда, погостить не сподобился, но на столицу Франции нагляделся вдосталь. И больше тамошнее черно-белое кино смотреть не хочу.

Поезд тронулся, я бросил взгляд на часы. 13:39. Точно по расписанию.

...В сентябре мне стукнуло шестьдесят. Именно в этом возрасте умер отец. Рак прибрал его, и я до сих пор чувствую вину, которую не искупить вовек — ведь я мог, мог вылечить папку, но мы так редко пересекались! А когда свиделись, было уже слишком поздно — четвертая стадия. Тут никакие сверхспособности не помогут.

Отец не зря считался классным инженером и неплохо зарабатывал на новом месте, но так ничего и не скопил. И стоило тогда всё бросать? Уехать на край света «за длинным рублем», защитить докторскую — и упокоиться на запущенном кладбище?

Иногда думаю, а не стал ли и для него ошибкой тот давний переезд? Но кто же ведает судьбу?

Может, мое возвращение «на запад», как дальневосточники зовут европейскую часть России, как раз и есть исправление житейской помарки отца? Конечно, биографию уже не перепишешь, и ушедшего не вернешь, но хоть что-то, хоть как-то, хоть краешком...

Вечер того же дня
Московская область, Щёлково

Поход в «Пятерочку» на Зубеева занял у меня целый час. Сосиски кончились, хлеба была нехватка, ну, и к чаю чего-нибудь вкусненького душа требовала. Набив съестным пакет, бодро пошагал к своему новому ПМЖ.

После напряженной сутолоки, ритма, который задавала московская толпа, я не поспевал перестроиться на подмосковную размеренность. Тутошняя неспешность даже раздражала, щёлковцы будто следовали заповеди «Не спешите жить!».

Да и, правда, чего зря суету разводить? И я побрел экономичным шагом верблюда в Каракумах. У монумента «Слава героям»

свернул на Парковую. Улица мне нравилась своей провинциальностью — тихая, зеленая, застроенная в три-пять этажей. Истинное «Замкадье».

А вот и мой новый приют, новая нора для разведённого, куда можно забиться, отсидеться — или отлежаться, зализывая раны...

Обычная «хрущевка», ничего особенного, однако не с моими капиталами претендовать на элитную жилплощадь. Вошел в подъезд, тесный, как во всех пятиэтажках, но хоть не запакощенный, не расписанный в стиле «Вовка — дурак».

Клацнул кафель. Звякнули почтовые ящики. Переложив пакет в левую руку и уже полностью войдя в щёлковский ритм, я стал неторопливо подниматься по ступеням.

К себе.

С соседями своими я еще толком не успел познакомиться, зато с Наташкой и Леночкой даже подружился. Они и до баталии давешней наведывались ко мне по три раза на дню. То у них чай закончился, а в супермаркет сбегать поздно уже, то кран потек, то полка отвалилась...

Мельканье голых ног неизменно рождало во мне игривые мысли, но я снисходительно поругивал себя, убеждая седого сатира не гоняться за юными нимфами.

Хотя какой из меня сатир? Стыдно признаться, но моей единственной девушкой была Даша, вскоре вышедшая за меня замуж. А жене своей я не изменял...

Теперь-то я свободен, а толку? Соседушки мои чуть ли не втрое моложе меня! Просто две прелестницы используют знакомого деда в корыстных целях, а дед и ведется. Эти коварные создания даже по отчеству ко мне не обращаются — никаких «Михаилов Петровичей», только «Миша».

«Миша, привет!» «Миша, спасибо тебе огромное!»

А Миша цветет и пахнет...

Заперев за собою дверь, я испытал легкое удовлетворение, ибо впервые занимал не совместную жилплощадь. Тут пролегала моя собственная, суверенная территория, откуда меня не выгнать. Всякое бывало...

Квартирку мою я пока что скудно обставил — деньги почти закончились, а на работу в Москве еще не устроился. Всё варианты рассматриваю, хотя у «предпенсионера» выбор не велик.

Думаю, папины гены тоже должны помочь — мне передалось отцовское умение ладить с компами, «железо» его слушалось. А у меня вдобавок и память феноменальная, хоть в цирке фокусы

показывай. Если я что-то и забываю, то лишь по своему желанию, усилием воли. Просто, чтобы не засорять мозг лишней информацией. Могу прочесть книгу — и запомнить ее наизусть, от корки до корки.

В работе мне это здорово помогало — я никогда не держал под рукой кучу справочников и рулоны чертежей, всё хранилось в моей голове.

— Ну, ладно, профи, — решительно сказал я самому себе, прерывая старческие рефлексии, — пора и делами заняться. Домашними!

И затеял стирку. Вещей у меня немного, я даже перестарался малость — сунул в жадный зев стиралки чуть ли не всё мое «приданое».

Повертевшись под душем, я потом долго искал, чем же мне прикрыть наготу, пока не обнаружил мятые пижамные штаны, месяц назад забытые в дорожной сумке. Подсмыкнув их, прошаркал в тапках на балкон, где сохла рубашка, постиранная с вечера. Принарядился.

Как оказалось, вовремя.

В дверь деликатно постучали, и я двинулся открывать, на ходу застегивая рубашку.

— Да, да!

Нарисовалась Наташа Томина. Грива каштановых волос, подсвеченная яркой лампой с площадки, заиграла медью и золотом. Ослепительно улыбнувшись, девушка спросила:

— Можно?

— Вам можно всё, — ответил бархатным голосом.

Томина вошла, обиженно выпячивая нижнюю губку.

— Опять на «вы»?

— Больше не буду! — покаялся я, одновременно пробегая глазами по ладной девичьей фигурке, которую короткий халатик скрывал весьма посредственно.

— Ну, ла-адно, — важно протянула Наташа. — Я пришла, знаешь, зачем?

— Не-а.

— Хочу пригласить тебя в гости! — выпалила Томина.

Я закряхтел, проводя ладонями по неглаженой рубашке.

— Боюсь, мой костюм не совсем подходит для визитов...

— Да мы по-домашнему, в дезабилье! — замахала Наташа руками. — Чайку попьем, поболтаем.

— А с меня тогда что? — спросил я, взбодрившись.

— А я у тебя вчера бутылку тоника видела... — затянула девушка.

— «Швепс»?

— Ага! У нас еще «Чинзано» осталось немного, с прошлого раза, а мы его чистым не пьем — с тоником вкуснее.

— Принесу обязательно, — твердо пообещал я.

— Так пойдем!

— Сейчас? — замешкался я.

— А чего ждать? Время идет, молодость проходит! — рассмеялась Наталья.

— Ну, вам... м-м... тебе еще рано об этом сокрушаться.

— Ты умеешь говорить комплименты, — улыбнулась девушка.

— Комплимент — это когда восхищаешься стройностью толстушки, — парирую я. — Мне куда приятней говорить правду. Скажешь красивой девушке, что она хороша — и самому приятно, и красавишне. Сейчас я захвачу тоник...

Достав пластиковую бутылку из холодильника, отправился в гости, чувствуя суетливость в мыслях. Да и трудно ожидать от человека постного смирения, когда чуть впереди цокают каблучки, а круглая попка вся такая вёрткая...

— Как Лена? — спросил я, чтобы отвлечься.

— А всё уже! — оживленно ответила Томина. — Горло не болит, и вообще... Только синяки не сошли еще.

— Это скоро пройдет.

Наташа пропустила меня в прихожую и крикнула:

— Ленка, мы пришли!

У девушек было чистенько, опрятно — и уютно. Никаких особых ухищрений — просто цветок на подоконнике, картина на стене, оригинальный половичок — и местожительство превратилось в дом, куда тянет вернуться.

Лена Рожкова вышла нас встречать. Она тоже упаковалась в цветастый халатик, только не такой, как у Наташи, застегнутый на пуговицы, а в запашной, туго перетянутый поясом. Девушка ласково улыбнулась мне и отобрала бутылку с тоником.

— Прошу к столу! Сегодня мы будем праздновать... — начала Лена, тут же напуская таинственности: — Ну-у... Наташка в курсе, а тебе я потом скажу.

— Заинтригован, — сказал я, проходя в комнату.

Девчонки особо не мудрили, да и средств на кулинарные изыски у них точно не было. Так, сварганили шарлотку да нарезали колбаски, сырку, даже на ветчинку разорились. И еще баночку корнишонов откупорили.

— Чем богаты! — пропела Наташа, торжественно выставляя на стол ополовиненный сосуд с цветастой наклейкой «Cinzano». — Твой ход, Миша.

Я кивнул и разлил розовый вермут по рюмкам — все три представляли разные сервизы.

— Вот в наше время... — проговорил, подражая аксакалам, оккупирующим лавочку у подъезда. — В восемьдесят втором я такую бутылку случайно купил — ресторан торговал навынос.

— И почем? — заинтересованно спросила Лена.

— Девять рублей за литровую.

— Ты скучаешь по тем временам?

Я пристально посмотрел на Рожкову. Мне почудилось, что девушка задала свой вопрос не в порядке застольного трёпа. Она даже немного нервничала.

— Скучаю?.. — пробормотал, раздумывая, и решил говорить, как есть. — Дело не в ностальгии, Леночка. Понимаешь, я родился и вырос в великой стране, и когда всякие лишенцы развалили ее, я будто стал эмигрантом против своей воли. Российская Федерация — это сильно обгрызенный Советский Союз, в котором почти не осталось ничего советского. У меня отняли очень и очень многое — красный пионерский галстук и комсомольский значок, Ленинград и Калинин, обращение «товарищ» и уставную фразу «Служу Советскому Союзу!», милицию и КГБ... Да что толку перечислять? Мне стало очень неуютно, некомфортно, когда СССР распался, и такое состояние держится во мне до сих пор. Я не успокоюсь, пока эта страна снова не станет Союзом — Российским или Евразийским, не суть важно.

— А я читала, что в СССР был тотальный дефицит, — осторожно сказала Наташа, — и что не разрешалось просто, вот так вот, взять, и выехать за границу...

— Верно, — кивком согласился я. — Как правда и то, что Советскому Союзу изо всех сил мешали расти, всё время вели войну против нас, да и внутри СССР хватало вражья, начиная с пленумов ЦК КПСС и кончая посиделками творческой интеллигенции. Слишком много было наделано глупостей, допущено ошибок... Вместо того, чтобы реально развивать строй, увлекались софистикой — то у нас «рáзвитый» был социализм, то «развитóй». Ой, да ну их всех!

— А давайте выпьем за СССР! — предложила Лена внезапно.

— Не чокаясь? — криво усмехнулся я.

— Чокаясь, чокаясь! Наливай.

Я плеснул в рюмки тоник, щедро разбавив вино.

— Ну, поехали! — произнес универсальный тост.

Рюмки клацнули, озвучивая единодушие. Хорошо пошло!

Так мы втроем и уговорили бутылочку. Девушки разрумянились, глазищи заблестели, да и я ощутил легкий налет хмеля. Было приятно вдвойне — влечение ведь тоже не оставляло меня. Первый раз за столько лет оказаться в компании двух студенток, спортсменок, и пусть не комсомолок, но красоток, — тут кому угодно голову закружит!

Мы болтали обо всем и ни о чем, живя ощущениями, как во всякой молодежной компании, а пока грелся старый, чуток мятый чайник, Рожкова объявила танцы.

— Я сама, я сама! — заспешила Ната и осторожно, держась пальчиками за края, вынула из конверта грампластинку.

Торжественно водрузила «винил» на вертушку, бережно опустила звукосниматель...

Легчайшее шипение с потрескиванием донеслось из динамиков, а потом сочно, чувственно зазвучал саксофон, выдувая нечто плавное и завораживающее.

Я не сразу заметил, как рядом оказалась Лена, как приблизилась, властно вторгаясь в мое личное пространство.

Наверное, «Чинзано» дурно влиял на хваленую память — не помню, хоть тресни, кто из нас осмелился на первый шаг, на первое движение. Девушка положила мне ладони на плечи или я своими пятернями сжал ее узенькую талию? Да и какая разница?

Вся та система укреплений, что я старательно выстраивал вокруг себя, крепя оборону против ближних, рушилась, рассыпалась, уносилась сквознячком в форточку. Комната кружилась вокруг нас, а я смотрел в Леночкины глаза и чувствовал, как под моими руками изгибается тонкий стан.

Рожкова то хлопала на меня ресницами, то опускала веки. Именно в эти моменты я жадно рассматривал девичье лицо — лоб, который пока что трудновато наморщить, маленький прямой нос, полные губы, аккуратные ушки. Любая гримаска у Лены выходила изящной, а смех можно было записывать на диск и продавать: слушаешь — и тонус поднимается.

В эти приятные мгновения я очень четко ощущал девушку. Не всегда это у меня получалось, но порой я верно улавливал психосущность человека — узнавал его характер, склонности, настрой. Наверное, это умение как-то пересекалось с моим целительством — я же не вижу «пациента» насквозь, не просвечиваю его, как рентгеном. Просто ощущаю в чужом нутре какую-то не-

правильность. Накладываю руки — и сразу понятно делается, что там не в порядке.

Так и с душой человечьей. Хоть и редко, но мне удавалось поставить точный диагноз: жадность, черствость, себялюбие.

А вот мои нечаянные подружки оказались совершенно здоровы. Обе испытывали ко мне не только благодарность, но и симпатию. Может, даже нечто большее, чем приязнь, но тут я талантливо увиливал от желанных предположений...

Правда, в Рожковой чувствовалась тревога и печаль. А потом я ощутил в девушке позыв к раскаянью.

— Тебя что-то беспокоит. — Я легонько притянул Лену к себе. — Что? Ты боишься Грицая? Не надо его бояться. Если до него еще не дошло, я проведу с ним воспитательную работу!

Девушка вздохнула, словно испытывая затруднение.

— Я не боюсь. Просто...

— Расскажи ему, — подала голос Наташа. Она сидела на стуле и развлекалась тем, что болтала ногами, стараясь удержать шлепанцы на кончиках пальцев.

— Боюсь...

— Чистосердечное признание облегчит твою вину, — бодро пошутил я.

— В общем... — промямлила Рожкова, рассеянно поглаживая мои плечи. — Понимаешь...

— Мы из будущего! — решительно заявила Томина, поджимая ноги. — Обе! Нас специально заслали в это время, чтобы встретиться с тобой.

— Со мной? — Я откровенно «туплю». Такое впечатление, что мой солидный ай-кью полностью обнулился.

— Наш институт долго искал такого, как ты, — попыталась объяснить Лена.

— Какого — такого? — я продолжаю «плыть», как боксер после хорошего нокдауна.

— Целителя! — раскинула руки Томина. Верхняя пуговка у нее расстегнулась, открывая ложбинку между грудей. — Чтобы ты смог отправиться в 1974 год, войти в доверие к членам ЦК КПСС — они ж там все старые и больные! — и как-то воздействовать на них, побуждать, подталкивать к правильному выбору! Сам знаешь, у пациента возникают особые отношения с врачом, когда происходит исцеление, а вместо болей и недомоганий ощущаешь здоровье. Советская эпоха — самая великая в истории России, и ей нельзя было кончаться! Ну, никак!